

УДК 81'276.11

А.В. Блохинская, Д.Н. Галимова

Благовещенск, Амурский государственный университет

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ОДНОЙ ТАТАРКИ

В разделе представлен речевой портрет носительницы русского языка М.С. Галимовой, дочери православных татар, всю сознательную жизнь прожившей в России – в Амурской области. Речевой портрет создан по материалам записей рассказов информанта о своей жизни.

Ключевые слова: переселение, татары, русский язык, речевой портрет, фонетика, морфология, лексика, фразеология.

A.V Blokhinskaya., D.N. Galimova

Blagoveshchensk, Amur State University

SPEECH PORTRAIT OF ONE TATAR

The part presents the speech portrait of M.S. Galimova, the daughter of baptized Tatars, who has lived in the Amur region, Russia. The speech portrait is based on the records of the informant's life stories.

Keywords: migration, Tatars, Russian Language, speech portrait, phonetics, morphology, vocabulary, phraseology.

doi 10.22250/WFDA.2019.15.6

Мария Спиридоновна Галимова (в девичестве – Ефремова) родилась в 1920 г. в семье православных татар. Семья Марии Спиридоновны выехала из небольшого населенного пункта, расположенного недалеко от Казани, в 1917 г. Несколько татарских семей, собрав весь скарб на подводки, отправились на поиски благодатных земель. Уйдя на восток от Казани, остановились на зимовку в сибирской тайге. Суровый климат и снежная зима не привлекли земледельцев, и они двинулись дальше, в Забайкалье. Там, в небольшом селе Илим Нерчинского района родилась Мария Спиридоновна. В Забайкальском крае ее семья провела еще одну зиму, несколько татарских семей так и остались там, остальные отправились на Амур. Так, «кочуя» через всю Россию, люди искали плодородные земли («Крестьянам же главно – земля», – комментирует Мария Спиридоновна).

Пришедшие в начале 20-х гг. XX в. в Амурскую область татары, как и другие переселенцы, получали ссуды на строительство домов, но до момента официальной регистрации и выдачи денег жили в землянках. В семье Марии Спиридоновны было несколько маленьких детей, рабочих рук не хватало – один год пришлось голодать. Одного из старших, четырнадцатилетнего брата Марии Спиридоновны, с детьми из других семей в

то лето несколько раз отправляли «по миру ходить» – в соседних зажиточных селах просить у людей хлеба. Но семья была работающая: построили дом, начали обрабатывать землю, завели скотину, спустя некоторое время выбились в «средняки». Жили обычной трудовой жизнью крестьян.

Амурская область никогда не была исключительно русской по составу населения. Начавшееся в 1858 г. активное заселение амурских территорий смешало русских, украинцев, белорусов, румын, литовцев, татар, башкир, к ним добавлялись сезонные китайские и корейские рабочие, некоторые из которых обзаводились семьями и продолжали свой род здесь. Оставались в области и те китайцы, которые приходили сюда на промыслы, занимались земледелием [1]. Ещё до революции национальный состав переселенцев был крайне разнороден. Значительную часть приехавших составляли украинцы, особенно из малоземельной Полтавской губернии [2; 3]. Согласно переписи 1900 г., выходцами из этих территорий было 52,5% всего сельского населения [4, с. 121]. К 1912 г., по данным «Материалов статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области», проживающих на территории переселенцев из Полтавской губернии было больше, чем переселенцев из других регионов Российской Империи и прилегающих к ней территорий – 24,68 % от общего числа [5, с. 115].

В начале XX в. Приамурье было заселено преимущественно русскими и украинцами. По данным того же источника, количество выходцев из Казанской губернии крайне малочисленно: не более 50 человек из 18 546 опрошенных, то есть не более 0,3%. Однако известно, что уже в конце XIX в. в Благовещенске на средства татарских купцов была построена мечеть, в городе существовала мусульманская школа. На Дальнем Востоке в маленьких селениях татары не обособлялись в общину, однако в городах их этническая целостность сохранялась лучше. Мария Спиридоновна вспоминает, что и в Комсомольскена-Амуре, где ей с мужем довелось жить несколько лет, и в Хабаровске, куда судьба привела их с умирающей дочкой, татары, узнав «своих», сразу же приходили на помощь и оказывали поддержку.

Родители Марии Спиридоновны после крещения, а это было ещё в Казанской губернии, взяли себе русские имена – Спиридон и Федосья. Многие приезжающие на российские территории татары также брали русские имена и фамилии. Так, муж Марии Спиридоновны имел татарскую фамилию Галиев и имя Тимиргали, но в паспорте был записан как Анатолий Николаевич Галимов. Его сестры вместо татарских имен Минсула и Дворзят носили русские – Мария и Дуся. По-татарски ни в семье Марии Спиридоновны, ни в семье ее мужа не говорили, детей родному языку не учили. Этим, а также педагогическим образованием и работой в качестве школьного учителя объясняется соответствие речи нашей информантки нормам русского литературного языка. Несмотря на татарские корни, на родном языке Мария Спиридоновна никогда не говорила и хотя некоторые названия блюд или глаголы, называющие простые действия, вспоминала, если ее об этом спрашивали, однако спонтанно в речи никогда не использовала. Отдельные диалектные и просторечные единицы использовались ею в речи как элементы устной разговорной формы языка. Например, она употребляла региональные слова (*вехотка, ограда, близун*), а также слова и

словосочетания, отражающие реалии советской эпохи (*МТС* в значении «машинно-тракторная станция», *массовая школа, военторговский, рабфак*).

Национальные традиции в семье Марии Спиридоновны строго не соблюдались. Свекровь, «настоящая татарка» с русским именем Мария, была рада узнать, что Мария Спиридоновна тоже татарка, хоть и крещеная. Старшая сестра информантки вышла замуж за украинца, старший брат был женат на русской. И в вопросах веры не все татары придерживались строгих религиозных убеждений: отец мужа Марии Спиридоновны (*бабай*, как его называли в семье, что по-татарски означает «дед») к концу жизни *«никакие боги он не верил, ни в какого аллаха, ничего он уже, и свинину ел, и всё-всё»*. При этом мусульманские традиции сохранились, например, в обряде похорон. Об этом упоминает Мария Спиридоновна, рассказывая, как похоронили свекровь.

Мария Спиридоновна прожила долгую жизнь. Окончив вечернюю школу и отучившись на рабфаке (рабочем факультете) при Благовещенском педагогическом институте, она учила детей русскому языку и литературе. Работала в селе Дидбиран Богородского района Хабаровского края, городах Свободный и Благовещенск. Вышла замуж в 1945 г. и прожила с мужем до 1978 г., вырастив двоих детей. Более сорока лет жила в Благовещенске, сначала одна, потом с дочерью.

Перед ее глазами прошел почти весь двадцатый век – огромная, невероятно изменившаяся жизнь. Мария Спиридоновна помнит, как сначала большое семейство уютилось в земляном доме (с ними жила и старшая сестра с мужем и ребенком), как мать била масло «со льна», обрабатывала коноплю, отделяя матерку от поскони, ткала на кроснах и выращивала мак. После третьего класса в школу приходилось уезжать в соседнее село Костюковку и жить там неделями у родственников и знакомых, чтобы не возвращаться ежедневно домой затемно. В военное время Мария Спиридоновна учила детей в школе, а весной и летом еще и работала на полях – жизнь здесь, на Дальнем Востоке, была относительно сытой, но трудились много: необходимо было сдавать произведенное в колхоз и тем самым помогать фронту. Бытовой уклад был традиционным: дети Марии Спиридоновны, родившиеся в конце 40-х гг., спали в люльке, подвешенной к потолку избы (кстати, слово «изба» осталось в речи Марии Спиридоновны до последних лет: проживая в благоустроенной квартире в Благовещенске, она могла сказать внучке или правнуку: *«Не ходи босиком по избе!»*). В начале 70-х гг. семья переехала в Благовещенск. Постепенно в ее быт вошли радио, телевизор, компьютер, в конце жизни Мария Спиридоновна регулярно общалась по скайпу с сыном, живущем в другом городе.

Почти сто лет жизни... Но в воспоминаниях наша информантка постоянно возвращается в свое детство и молодость. Наверное, потому, что благовещенский период для нее – это единое, целое и относительно стабильное настоящее, а ушедшие в далекое прошлое девятисотые годы – трудная, большая и такая необычная для страны и для ее личной судьбы эпоха.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Галимова Мария Спиридоновна, 1920 г.р.

г. Благовещенск, Амурской обл.

Беседовала Д.Н. Галимова, 2009, 2011, 2014 гг.

Обработала Д.Н. Галимова, 2018 г.

Комментарии: А.В. Блохинская, Д.Н. Галимова

Переселение

Пока с России ехали... Сначала остановились где-то... река Лена, там вот, где-то там. Ну и вот. Им [предкам – Д.Г.] там население не понравилось. И кругом тайга. А им же надо пашни, они крестьяне. И вот они там сколько прожили, я не знаю, ещё сюда, на Восток подались. Уехали... около Читы. Село Илим. Вот мы там... и я там родилась. А уже у них были Илья, Нюра и я родилась. Приехали в Эргель. Сначала не в Эргель, в Свободный. Ну вот, в Илим приехали. Я родилась в Илеме. Там целебная вода есть. Они ходили за кислой водой... В общем, они там прожили, я не знаю, сколько, но в общем, наверно, года... четыре. Или три с лишним там прожили. А потом с Илима уехали – вот на Амур поедем. На Амуре там земли хорошие, земли много, хорошие места. А у них, который предводитель, ну, грамотный был, он наш знакомый хороший, вот он, поедем в Свободный. И мы из Илима поехали уже в Свободный. В Свободном мы поселились в Бардагоне. Мы, наша семья: отец, вот Илья Спиридонович [брат – Д.Г.] и Нюра [сестра – Д.Г.]. В Свободном ... и там у нас родился Николай, вот в этом Бардагоне. Ну, сколько мы там прожили, я тебе не скажу, потому что я не помню, и вдруг там наводнение в двадцать четвёртом году [говорит о наводнении 1928 года – Д.Г.]. Это я точно помню. И здесь такое наводнение, что тут вода с Амура, тогда набережной не было, приходила сюда, вот сюда, до Амурской доходила. «О-ой! Здесь вот так во! Здесь жить невозможно. Уедем, уедем, уедем». И за пятьдесят километров от Свободного уехали в Эргель, туда, подальше в тайгу. А место там хорошее. Там просторы хорошие. Поля-а такие хорошие, просёлки. Густого леса нет такого особенно... Хорошие места такие! Пригорки, поляны, ягодники, орешники! Всё-о там! Места хорошие, берёзы! Мы приехали туда. Приехали в Эргель, поселились в землянке, и там и жили. Вот так мы и ездили.

Как жили

Ещё дом построили там. Нам ссуду дали, тогда переселенцам давали ссуды. Ну а за что бы мы построили? И надо брёвна возить, надо лес пилить, надо рабочих там нанять, сами же не напилишь. Сами построили дом, собрались там жить. Но было скучно. Население там – пять или шесть домиков. И всё землянки. Люди живут в землянках. Ну, там у некоторых уже, наверно, домики были, я не помню. Ну, голодали, конечно. Потому что ещё не посеяли ничё. А старший брат Илья Спиридонович по миру ходил. По сёлам, вот по соседним. Там соседние сёла были туда подальше, километров восемнадцать от нас. Сычёвка там, Майка, казачьи сёла. Они богатые, казаки. Они богато жили, потому что сами хлеб сеяли. Хлеб белый, кусочки приносили. Вот, ну, там, где полбулки, где как. Ну и ладно. Ну всё-т(а)ки

нашим скучно жить, они взяли да этот дом продали. Вот уедем, уедем, уедем опять – туда, на родину, в Россию. Где они там жили, я не знаю. Где-то около Казани. Хоть и крещёны, татары же всё-т(а)ки. Ну и вот. Продали дом. Продали, а в это время наехали в Эргель. Переселенцы. Переселенцы из Украины. Шматалуки [фамилия родственников – Д.Г.], вот будущий наш зять. И ещё... Ой! Народу стало больше! И они, наши, там остались. Вот и там и дом построили. В землянке жили сколько лет. У нас Нюра из землянки и замуж вышла. За Петра этого. Украинцы приехали, у них два сына, Петро и (нрзбр.).

В общем, наехали люди. Когда люди приехали, наши купили лошадь. И дом начали строить. Когда мы стали сеять хлеб, сеять там просо, овёс и всё, лошадь купили тут скоро, вот, и огород большой стали сеять, лён сеяли, масло со льна били – всё это мы жили в землянке. Мы в землянке долго жили. Савелий родился в двадцать седьмом году – ещё он в землянке жил с год или больше. <...>

Ну, одним словом, стали там жить. Люди наехали, стало веселее, хорошо. Земли хорошие, всё хорошее. А чё нам надо, крестьянам? Всё, остаёмся здесь. Вот остались. И в землянке мы жили долго. Мы уже стали сеять пшеницу, а там хорошие урожаи первые годы были, очень хорошие, ага, и всё уродилось хорошо. Земли новые, хорошие. Пожалуйста! Довольные наши, очень довольные. Мы пошли в рост. И стали даже середняками. Всё боялись, что нас раскулачат. Ещё до колхозов. Всё боялись, но ничего, нас не тронули. Корову купили, лошадь была, а потом уже две лошади было. У нас рабочий конь был, и потом уже была кобыла хорошая. Это было в тридцатые годы. Ну, и хлеб ели досыта, всё. Хотя и мы ещё до того сдавали налог.

– А что сдавали?

– Пшеницу. Себе оставляли сколько-то, остальное всё сдавали. В Свободный возили. На трёх лошадях. <...> Стали мы жить хорошо. И хлеба у нас хватало, всего. Жили хорошо уже, не голодали. Я голодала вот ... мы голодали с Николаем, когда в школе учились в Костюковке в четвёртом классе. В пятом, в шестом, в седьмом – четыре года. Жили по родственникам. Сначала у сестры, Анны Ивановны, год жили, потом у матери, у ней семья была тоже... А в шестом классе мы жили уже у знакомых, у маминых знакомых. А в седьмом классе, я точно помню, мы жили недалеко от школы, у маминых знакомых. Вот тут мы немножечко голодали, конечно. И когда у Нюрыной матери жили, они тоже бедно жили. Его потом, сына, почему-то арестовали, в тридцать шестом году, тридцать восьмом, тридцать седьмом, посадили. Невестка одна осталась с ребяёнком и мать. Что у них было? Ничего у них не было. Ну, то, что мама там привозила, картошку, может быть, хлеб какой-нибудь. Вот тут мы голодали с Колей. И у Нюрыной сестры мы тоже голодали. Потому что тридцать второй, тридцать третий год были голодные годы здесь, на Амуре. Засуха была два года страшнейшая! Ничего не вызревало. Даже картошка – на семена не могли оставить. Вот макушку срезали, остальное кушали. А макушку срезали на семена. Очень, очень голодные были вот эти годы. Из лебеды суп варили. Ну, в общем, чё-то мама варила же.

Вот тут мы голодали. Помню, в четвертом классе когда мы учились, летом, уже когда закончили школу, нас посылали выливать сусликов. А на полях много сусликов. Они такие вредители. Они вредят пшеницу, колосья. Вот так вот ломают и зерно выгребают. <...>

Мама

– В каком возрасте тебя покрестили?

– Ну лет пять было.

– Отец, да?

– Отец. Нас в город возил. Всех троих.

– Кого?

– Николай, Савелия маленького... Савелий тольк(о) что родился...

– А у мамы икон много было, да?

– Иконы были, да. Икон много там стояло. Она это, хорошо веру принимала русскую. Раз покрестились они так, то она так и верила хорошо. Всю жизнь молилась, всю жизнь. Во всяком случае, свой лоб крестила каждый день. Ну, она мне говорила: «Веришь, не веришь, а в праздничные дни ничего не делай такого важного». Ага, и всё, всегда так говорила. Ага. Вообще мама у нас была исключительный человек. Работящая... Такие редко бывают. Гусей разводила...

– А бабай неверующий был?

– Он верующий был, верующий.

– Он тоже крещённый был?

– Ну да. Но он как-то... не очень.

– Бабай – это отца отец, да?

– Отцовский. Ну, хороший. Работящий человек был. Всё время сидел над этими ботинками.

Отец рано умер, в тридцать втором или тридцать третьем. У него ревматизм был как-то сердечный, ноги отекали. Он в больнице был, лежал в Свободном, но всё равно. Ну, он работал до последнего, в колхозе ва-аленки подшивал там, мастер был. Он и пальтушки шил раньше же, когда они жили в Сибири там, около Казани. У него машиночка своя, они привезли её с собой, зингерская машинка старая. Шил пальтушки здесь взрослым, нам в детстве шил эти пальтушечки. Воротников-то не было таких, меховых, обыкновенный тряпичный воротник. И пальто. И матери шил, и вообще он там даже ездил по деревням, шил пальто. Ну здесь он больной был, так он нигде в колхозе больше не работал... Он, значит, подшивал валенки там... И умер рано, в тридцать втором или третьем... Тоже молодой был, сколько ему, шейсят было или нет. <...>

Ну, вот она (мать) осталась. Так вот она, мать, она трёхжильная, мама. Она всё делала, всё. Коров держала, сено косила, боронила. Особенно когда ребята... Николай-то более-менее помогал тогда. Он младше меня на 4 года. И потом его в армию взяли. А к этому времени Илья уехал в Костюковку. А он механик хороший был. Мастер. И он, его забрали в МТС [машинно-тракторную станцию – Д.Г.]. Они переехали туда. Мама осталась одна. Это ещё до войны было. Вот там мы жили в Эргеле. Она нас кормила, поила, одевала. <...>

А раньше так было... у колхозников налоги были, и молоко сдавали. А у мамы не было налогов, она же старая была. Она себе годы прибавила, года два или три. Чтобы в колхоз не гоняли. А там у нас паспортов никаких не было, а стали выдавать ... где-то перед войной, наверно, между тридцатым и сороковым годом, а может и раньше. Раньше, наверно, ага, стали выдавать, мы в Эргеле жили. Вот она себе прибавила несколько. Шоб, говорит, в

колхоз не гоняли. И действительно, когда шестьдесят лет, уже стариков в колхоз не давали. Ей только давали поручение хлеб печь для бригады. Ну, это любимое занятие. Тем более она себе оставляла припёк. Там чёрный хлеб такой, господи! Ну какой может быть хлеб в эти годы? Это было ещё до войны, когда мы учились. И тем она нас спасала...

В общем, в детстве мы голодали с Николаем. Жили в Костюковке зимой, а в Костюковке школа, семилетка там была. Жили у разных. Один год, первый год там колхоз организовал вроде общежитие. Там жили все в одном домике деревянном, нам повар варила, все, кто учился в третьем классе. Мы первый-второй класс учились, у нас в Эргеле школа организовалась, а потом в Костюковку в третий класс. Вот когда мы учились в третьем классе, у нас отец умер. Я помню, вот, шо-то я на, пальтушку что ли надо было снять, и вдруг в окне появляется женщина, наша соседка. Говорит: а вы ещё ниче не знаете, у вас отец умер, домой бегите. Ну, Николая где-то не было, мож, в ограде был. И побежали домой. Отец уже... Он болел. У него сердце было больное.

Трагические судьбы

Когда мы сюда приехали из приисков, в Свободный, с Дидбирана... дальше Комсомольска туда, ну это, мы, значит, приехали сюда. Дорогой ехали, с нами ехала Дуся. Ну и так <...>. [Я] родила Галочку. В середине декабря. А летом мы поехали... Месяцев восемь ей было, наверное, когда мы ехали. Ехали дорогой. В Свободный. <...>

А у них туберкулёзные были все. Один уже умер давно от туберкулёза... И вот он это, и брал нашу Галочку. И других детей. И вот, видать, заразил её. Галочку. Красивая девчонка была: беленькая, глаза чёрные такие, большие, даже я не знаю. Аүа. Ну и ладно. Дали мне работу в первой школе, дали квартиру однокомнатную. Холод-одна квартира однокомнатная. А Галочка-то у нас болеет. Болеет и болеет. Ну и потом мы легли в больницу с ней в Свободном. Долго там лежали. Она потом плохо стала грудь брать. Так вот закатывает глаза. Мы там полежали, может, неделю, может, больше. Потом нам они там определили, у ней шо-то неважно, надо в Хабаровск ехать. Мы с Анатолием поехали в Хабаровск. Привезли её в Хабаровск в больницу. Там с вокзала ни автобусов, ничего нет, до самой больницы несли её на руках. А она такая тяжёлая, хоть и было ей всего десять месяцев. Ну, кое-как мы дошли. Дошли. Ну, определили. А Анатолий нашёл где-то татар около вокзала, они же быстро находятся, их там много. Ну, а я в больнице с ней. Ну, они смотрят, на второй день говорят, что у ней туберкулёзный менингит. Вот эта палочка попала в мозг. И поразила его там. Вот. Загубили девчонку, одним словом, с этим переездом. А так бы жила ещё. Ну и всё. Она, говорит, безнадежна. Или, говорит, будете ждать, пока она здесь умрёт, или, говорит, везите домой. Ну, мы с Анатолием – ну чё мы тут будем сидеть ждать – поехали. На поезде поехали. До Архары доехали, и она... поезд остановился, а лежала она у нас... Ну, она не плакала, ничё, уже без сознания. Ну, она уже давно грудь не брала, не ела ничё, а так-то... ещё живая была. В Архаре поезд остановился. Анатолий выходил на вокзал, брал там, ни черта ж не было. Вот когда поезд остановился, она здесь умерла. И мы до Свободного везли её уже мёртвую. А вообще мёртвых не положено возить, нас высадили, если б узнали. А она у нас ребёнок и как спит. Доехали до Свободного, приехали, здесь её похоронили. Да, татары помогли. В Свободном уже бабáя, бабáя знали они. А свекровка

возьми – она: «Ой, они там ребёнка замучают, я поеду к ним. И я поеду с ними». Она вот такая была. Ага. «Поеду к ним». И приехала. Приехала к нам, а Галочки-то у нас нет. Приехала, вся обовшивелась дорогой. Ну и ладно. Похоронили. И поехала она в середине ноября... В деревню, к маме моей. Она была с ней знакома. Потому что мы приезжали, когда я Галочкой ходила беременная, приезжали мы в июле или в августе.

– *Она татарка тоже?*

– Конечно. Но она настоящая татарка. Мы крещёные татары. Она увидела иконы у мамы: «О-ой!». У них иконы не это самое. Значит, маму она знала уже. Ну, поедет к маме... а вез её Пётр, этот, Нюрин муж. И вот её... значит, она трагически погибла, каким образом... Она сидела возле кабины и это, вот тут вот... и головой об берёзу стукнулась. Стукнуло именно её. Борта отскочили. Все попадали, и все здоровы встали, одну её убило. И Пётр её довёз до деревни, до Костюковки. Там жил Илья, брат старший. А потом повёз её в Свободный, к нам. Приезжает утром, приходит с такими словами: «Вы, главное, не волнуйтесь, вашу мать убило». Представляешь? Вот только что Галочку похоронили, и вот через месяц какой-то убило мать. Ну, вот её похоронили тоже. В Галочкину могилу... А татар как хоронят – они не на землю ставят, а они заматывают в одеяло или... похоронная такая, вот, и-и... а потом раскапывают там, делают такую нишу. Причём не вниз, а вбок. Ну, там укрепляют, чтоб земля не посыпалась, и туда этого покойника кладут. В саване, без гроба, без всего. А я не ездила хоронить – женщин не берут. Вот такая трагическая... А было ей всего сорок три года. Она была ещё молодая <...>

Ну у них же так: как только невестка появится, так свекровка всё на невестку – всё делай, всё стирай, готовь, всё-всё. А она уже барыня сидит. И когда ещё Галочка родилась – а она [свекровь] детей-то любила очень, и бабай тоже – Галочка-то родилась, вот она всё говорила: «Ну давай няню пригласим, пусть няня сидит». Хоть и любила, и купала, и всё, а, ну пелёнки не стирала, всё это я, что ты! Ну и что ты думаешь: «Давай, значит, пригласим!» – «Да какую няню?!» Ну ладно. Вот. А я, у меня, помню, один год, уже Галочка была, было две смены, первая смена и во вторую смену. Первая смена, я выходила рано... Потом... Они, значит, поздно встава-али, вроде меня щас, до двенадцати, пили ча-ай с бабаем, ну, када Галочка, дак уже они раньше вставали, потому что тут не напишь с ребёнком. Ну ладно. Пили ча-ай, вот, начинали там варить супы-ы, мясо клали в кастрюлю, всё это варили, а я приходила уже – карто-ошку чистила, дова-аривала. Представляешь, приходила с работы, вот, доваривала всё это, обед... Аня ещё научила нас тефтели делать, Аня. Угу. Вот, всё доваривала. Ну, посуду мыть мне, конечно, некогда было. Ну, кое-какую, может быть, я мыла там, я не знаю, я не могла не мыть. Ну ладно. Вот один раз Толя приходит домой на обед, и вот эта свекровка говорит, значит, выносит кастрюлю – ну, известно, кастрюля, там и накипь, и всё, они же, хоть так же их и помоешь, и всё, но тогда вехоток таких не было, а были тряпки обычные, ну и всё, они всё-таки, значит, это... «Вот, значит, это...» – показывает ему, вот у дверей, он тока заходит, у дверей. Показывает ему эту кастрюлю: вот она, значит, не то плохо моет или совсем не моет, ну, в общем, с такой жалобой. Он взял эту кастрюлю да ногой ка-ак пнул! (*смеётся*). У нас там, мы жили в таком доме, где квартира была больша-ая, элитный дом. Ну и вот. И эта кастрюля через весь... Он обидел... Бабка, конечно, обиделась, мать... Вот он мне потом рассказал. Ну и что ты думаешь? Вот такие

были свекровки, татарки. Они такие и есть. Ну, вот не хотели они делать ничё. Ну бывает-то дома: всё делаешь, суп не доваривала, когда не доваривала, всё. Ага. Я картошки начищу, оставлю, он, когда мясо сварится, сúpит, мясо супит там, и всё. Ну и всё и это, помидоры, когда свежие были.

Когда мы приехали же, Галочка... Но Галочка уже умерла к этому времени. Ага. Мы не сумели сообщить им, что она умерла, и приехала свекровка. К ноябрю месяцу приехала. Но а Галочка уже, она в октябре умерла. Она приехала и говорит: «Ну я поеду к маме». К моей. В деревню. «Что я с вами тут буду жить... Я пое.. там праздники, я поеду к ней. А она уже у неё была. Я когда беременная с Галочкой была, летом приезжала в отпуск к маме, и она со мной увязалась! Она такая была про... старушка, не старушка, а женщина, будем говорить, – чё, сорок лет с небольшим! – пробитная, ей всё надо знать, и выпить любила, потихоньку (нрзбр.) угостил, а так они не пили, ни баба́й, никто никогда. А вот с мамой, значит... И мама ей очень понравилась. Она её встретила хорошо, всё, угощала её там всем, и рюмочкой, и всё. И всё ей понравилось. И что я татарка, тоже. Но крещёная. Я же сказала этим, и Анатолию Николаевичу сказала перед тем, как выйти замуж. Приехала она, всё ей понравилось, и она говорит баба́ю: «Ой, а у неё иконы!» А у мамы были иконы. А-а баба́й уже, ни(в)какие боги он не верил, ни в какого аллаха, ничего он уже, и свинину ел, и всё-всё.

– А баба́й потом к вам приехал, да?

– Не сразу. Баба́й приехал... Когда же он приехал? Он приехал на следующий год... Я уже не помню. <...>

Семья и работа

Мы жили в учительских домах, в однокомнатной квартире, холодная такая. Вот. А когда у меня Лидочка родилась, нам дали квартиру вот тут, около базара. В Свободном. Ну и вот. Мы там жили. Сначала баба́йка купил козу, ну, чтоб молоко было. А у нас до сих пор ещё коровы какой-никакой не было. Ну, ладно. Козу купил. Мы её маленько подержали... Но потом Петро купил нам корову. Это Нюрин муж. Такой проти-и.. близу́н был, что просто ужас. Ну ладно. Как человек он хороший был, а вот такой... непорядочный. Купил нам корову. Какую корову? Он был инспектором. Ну, вот налоги собирал с населения с деревенского. Ну, у кого, значит, долги, у тех корову отбирал. По зако-ону. И вот у кого он эту корову взял, я не знаю, но какая корова, я ни до этого, ни после этого никогда такой коровы не видела. Такое, знаешь, молоко! Просто я не знаю. Ну вот живём мы там. <...>

Ну, корова, она, конечно, ничё была... Мы её бардой поили. Дед барду покупал, привозил на машине. Это барда от пива. <...>

И потом Анатолий Николаевича переводят в Благовещенск. Переводят в Благовещенск, ладно. <...>

Я там же начала работать в четвёртой школе. А сначала я, когда мы приехали, я работала в начальной школе сначала. Четвёртый класс вела. Вот довела его до весны, экзамены там какие-то принимала, а уж осенью меня пригласили в четвёртую школу. У меня заявление было, а когда мы приехали туда, места не было. Да, ещё, помню, по арифметике были задачи другие, такие трудные, что я ещё не каждую задачу могла решить.

Я училась, а с кем оставалась Лида? С баба́ем? Мама только родилась [говорит о дочери – Д.Г.].

– А с кем ты её оставляла?

– С баба́ем. Он с нами приехал. И причём привёз бабушку одну. Татарочка, здесь он познакомился, в Свободном. Соня. И вот нам говорит: «Вот Соня, я хочу на ней жениться».

– Это сколько ему лет было?

– Не знаю, шестьдесят с чем-нибудь, наверное. Вы, г(ово)рит, будете работать, а мы будем дома с детьми. Тогда Лидочка одна была.

Вот он вместе с нами привёз эту Соню. Ну я работала уже, работала уже в массовой школе. Ну, вот она пожила у нас месяца три, и ей баба́й не понравился. Мы жили не ссорились никогда, ничё, всё хорошо, и вот однажды приходим домой в обед, а она уехала. Он скуповатый был маленько. А она привыкла жить одна, её муж был в заключении, там с золотом был связан, бывают татары такие. Да и ладно. «На вас она не обижается, так что вы не думайте. Она не захотела со мной жить, я ей показался скупой».

Ну и что, уехала и уехала, Бог с тобой, и у меня один баба́й остался, и он сидел с Лидой, когда я на работу уходила. Вот он и воспитал детей моих. Я ему (нрзбр.) всю жизнь. А дети спокойные были. На руки он их не брал, а только вот сидит рядом, да и всё. Так он... мы пришли к лету. Лето я прожила, значит, в отпуске. <...> И корову мы ещё держали. <...>

И вот Саше исполнилось месяц, даже месяца не было, двадцать пять дней, мне пишут из четвертой школы – просят выйти на работу. И Саше исполнилось двадцать пять дней – я пошла на работу. Баба́ю оставила. Вот. Хорошо, что у меня Лида уже ходила, всё. Лида с баба́ем была. А Саша родился, уже никакой Сони не было, был баба́й один. Ну, я... месяц в декретном отпуске была и вышла на работу. Ну, там у меня немного было часов. В общем, я работала до лета. А там учительница уехала, военного жена. И меня вызвали по объявлению. И я пошла. И так всё время там работала. Вот так мы и раб...жили. <...>

Когда Саше исполнилось год и три месяца, Галимова переводят в Свободный. Ну, я там поработала это время, а потом сюда уехала. И по-моему, у меня ещё в это время были там студенты. ... У меня три класса было, мно-ого! Два шестых и седьмой один. В шестом классе была ученица, она абсолютно грамотная. У меня такие ученицы были два раза в жизни.

Сидим мы на уроке, студент ведёт урок, там пишет на доске, всё, учитель ихний, там студенты. И вот она ошибку сделала.

– Студентка?

– Студентка. На доске написала. И ученица на меня смотрит. Ну, я же тоже вижу. Ей показываю: «Ты молчи. Я же тоже вижу». Вот такая ученица была она. Она так отличницей была потом, когда я уехала оттуда.

Ну вот, мы уехали. <...>

Ну, вот тут я устроилась на работу в школе, и баба́йка мой, наш, оставался с Лидой и с Сашей. Можешь себе представить! Лиде был третий год... А там был конный двор. И ихня конторка там была с телефоном. Ну, баба́й выйдет на... Ему же дома-то неудобно было сидеть. Он Лиду возьмёт на ручки и пойдёт гулять. А Саша дома один ползает.

Вот однажды прихожу с урока, а Саша всё вытащил из стола. Всю посуду, всё муку, какая крупа! Всё до ниточки вытащил и тут оставил. И ничего не сломал! Я так удивилась! Ему не хочется сидеть, бабаю, здесь, с Лидой, он среди мужиков там... А Саше год и три месяца, и он тут хозяйничал. У нас никаких шкафов, ничего не было, а рюмочки были. И всё в столе. Ну, словом, всё до единой посудинки. И в муке вмазался. Мука в мешочке... и муку из мешочка вытащил. <...>

Ну ладно. Так всё прошло. А там квартира, она хорошая была, большая, это военторговский дом. А потом нам дали другую квартиру. Вот мы там поселились. <...>

КОММЕНТАРИИ

Фонетика

1. В речи информанта под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /и/, /y/, /э/.
2. Фонемы /a/ и /o/ в первом предударном слоге после твердого согласного не различаются: *дамах, каровы, казу, захатела*.
3. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по модели иканья: *дтей, диржали, миня, учиница*.
4. В некоторых словах отмечается удлинение ударных фонем: *по зако-ону, мно-ого, клопо-ов, туда-а, сюда-а, поля-а, карто-ошку, дова-аривала*.
5. Характерен звонкий взрывной г: *Галочка, гусей, голодала, огород*. В единичном случае в междометии *ага* наблюдаются произношение г фрикативного на месте г: *ага*.
6. Фонема /в/ в позиции перед гласным и между гласными реализуется в губно-зубном звуке [в]: *скуповатый, воспитал, половики*.
7. В речи информанта реализуются две аффрикаты /ч/ и /ц/ в соответствии с нормой русского литературного языка: *начальной, четвёртую, задачу, месяца, ученица, отличницей*.
8. В речи информанта системно реализуется фонема <ф>: *шкафов, тефтели*.
9. В интервокальной позиции у имен прилагательных, местоимений сохраняется /j/: *холодная, такие, спокойные, красивые*. Отмечены единичные случаи стяженной формы: *Здесь вот такй (такие) во; ихня (ихняя) конторка*.
10. Слова *что* и производные от него, а также *чтобы* в речи информанта представлены разными вариантами: *чё, чё-то, ничё (ничего), штобы, шоб, шо-то*.
11. Отмечаются случаи употребления стяженных вариантов слов: *ничё (ничего), щас (сейчас), grit (говорит), всё-тки (всё-таки), мож (может), ко(г)да*.
12. Слово *кастрюля* произносится как *каструля*: *кляли в кастрюлю, выносит кастрюлю*.
13. Отмечены единичные случаи отступления от литературной нормы при постановке ударений: *начбли строить, купил кузу, на Восток подблись*.
14. Отмечаются единичный случай употребления твердого согласного [p] перед гласным [э]: *крэщёны, но крещёные татары*, перед гласным [ы]: *Нюрыной, но Нюрин муж*.

Морфология и словообразование

15. Отмечаются единичные случаи употребления именительного падежа на месте косвенного: *Анатолий Николаевича переводят в Благовещенск*.

16. Существительное *село* имеет две формы множественного числа в именительном падеже: *соседние сёлы, казачьи сёла*.

17. Инфинитив глагола заканчивается на *-ть*: *выдавать, решить, жениться, работать, жить*.

18. Глаголы настоящего времени 3 лица единственного и множественного числа заканчиваются на твердый *-т*: *говорит, бывают, обижается, переводят*.

19. Притяжательное местоимение *их* имеет форму *ихний*: *учитель ихний, ихня конторка*.

20. Отмечается многочисленное употребление уменьшительно-ласкательных форм существительных: *татарочка, Лидочка, рюмочки, посудинки, в мешочке, немножечко, машиночка, пальтушка, пальтушечка*.

21. Относительное прилагательное *зингеровский* имеет форму *зингерский*: *зингерская машинка*.

22. Личное местоимение *её* имеет форму родительного падежа *у ней*: *у ней брат*.

23. Имя *Петр* имеет два варианта: *Петр и Петро*.

24. Отмечается конкуренция предлогов *с (со)* и *из (изо)* в пространственном значении: *с России ехали, с Ильмена уехали, из Ильмена приехали. Но: переселенцы из Украины; Нюра из землянки замуж вышла*.

Лексика и фразеология

Бабáй, баба́йка – (татар. «дед») наименование деда

Барыня сидит – о человеке, праздно проводящем время, белоручке

Близу́н – наименование мужчины, ведущего разгульный образ жизни

Барда́ – остаточный продукт при изготовлении пива, солодовая дробина

Вехо́тка – мочалка

Вмазаться – вымазаться, испачкаться

Военторговский дом – ведомственный жилой дом для работников военторга.

Выливать сусликов – заливать воду в нору животного, таким образом заставляя его выйти наружу

Кислая вода – столовая минеральная вода

Массовая школа – средняя общеобразовательная школа

Муть – о чем-то плохом, негодном

Наехать – приехать, прибыть в большом количестве

Наспать – поспать

Обовшиветься – заболеть педикулёзом – обзавестись вшами

Ограда – территория около здания, имеющая наружное ограждение

Пойти в рост – повысить благосостояние

Припёк – прибыль, увеличение в весе хлеба после выпечки в сравнении с весом муки

Пробитной – бойкий, живой, проворный; разбитной

Рабочий конь – конь, занятый в сельскохозяйственном труде

Ребятёнок – ребенок

Россия – Центральная Россия

Сердечный ревматизм – ревматизм сердца; воспаление стенки или его отдельных слоев сердца, которое возникает в результате осложнения инфекции

Сúпить – готовить суп

Трёхжильный – выносливый, сильный, ср., двужильный

Туберкулёзный – больной туберкулезом

Учительский дом – ведомственный жилой дом для учителей

Целебная вода – лечебная минеральная вода

Элитный дом – дом, в котором предоставляли квартиры людям, находящимся на руководящих должностях

ЛИТЕРАТУРА

1. Оглезнева Е.А. Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России: историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 6-25.

2. Блохинская А.В. История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 25-34.

3. Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 7-25.

4. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVIII – начало XX века). Хабаровск, 1976. 200 с.

5. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. Т.2. Ч.1 / Зав. стат. работами С. Щецов. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1912. IV, 616 с.